

УДК 343.9

Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности

Комлев Ю.Ю.

Доктор социологических наук,
профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
Казанского юридического института МВД России

В статье на основе контент-анализа англоязычных источников рассмотрено развитие постмодернистской интегративной криминологии. Предложено использовать в социологическом изучении преступности расширенную методологическую триангуляцию и вычислительные методы для обработки «big data».

Ключевые слова: постмодернистская интегративная криминология, гибридные теории преступности, расширенная методологическая триангуляция, сетевизация общества постмодерна, вычислительная криминология, «big data».

Век XXI – век постмодерна характеризуется стремительным ускорением социальных перемен, вызванных четвертой технологической революцией. Нарастает релятивизация ценностных ориентаций, социальных норм и поведенческих практик. В итоге девиантизация общества постмодерна идет по пути изменения свойств, проявлений и масштабов девиантности, увеличения рисков, в том числе криминальных, к теоретико-эмпирическому исследованию и осмыслению которых отечественная социологическая наука только приступает. Действительно, «современная эпоха постмодерна выдвигает перед обществом невиданные ранее проблемы вживания и выживания, а перед общественными науками – осмысление происходящих тотальных изменений в жизни современного человечества» [1, с. 36].

Развитие зарубежной и отечественной криминологической мысли обозначается новыми вехами и трендами, которые во многом обусловлены рефлексией исследователей на технологические и социальные перемены первых десятилетий XXI в. Перед криминологией как социологической наукой – наиболее развитой частью девиантологии – стоит задача всестороннего изучения криминальных проблем с привлечением разнообразных позитивистских, непозитивистских методов исследования и разно-

спектных знаний о феноменах преступности в новых условиях общества постмодерна.

Интеграцию криминологических знаний и методов исследования наиболее полно отражает постмодернистский дискурс. Впрочем, первые попытки интегрировать различные положения и подходы прослеживаются уже в теории дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда (1939) и последующих ее модификациях, предложенных Д. Глейзером (1956) и Р. Айкерсом (1966). В теории фрустрации статуса А. Коэн (1955) развивает структурную теорию напряжения Р. Мертон (1938, 1949) в сочетании с явно выраженным субкультурным подходом. Общая теория напряжения Р. Агню (1992) еще больше учитывает интегративный эффект когнитивных, поведенческих и эмоциональных составляющих адаптации индивидов к различным типам напряжения в социальной системе [2, с. 98-139]. Практически все позитивистские теории девиантности и преступности, начиная с середины XX в., в той или иной мере содержат элементы интегративности.

Позитивистский интегративный дискурс в криминологии приводит к созданию ряда модернистских (неопозитивистских) интегративных теорий преступности в конце прошлого столетия. Это работы Г. Каплана (1975), Р. Куинни (1977), Д. Эллиота (1979), М. Колвина и Дж. Паули (1983), Дж. Уил-

сона и Р. Хернштайна (1985), Т. Бернарда (1986), М. Крона (1986), Р. Старка (1987), Дж. Хагэна (1988), Дж. Коулмана (1989), Т. Мифа и Р. Мейера (1994), Б. Татума и др. (1995) [2, с. 196-203].

Обобщая подходы криминологов-позитивистов, можно сказать, что теоретическая интеграция рассматривается в их работах как комбинация двух или более позитивистских теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем он есть в каждой исходно взятой теории. Эвристический потенциал модернистских интегративных теорий возрастает за счет простого объединения, сочетания непротиворечивых положений или самих модернистских монотеорий преступности.

Интегративные теории преступности века XX-го в той или иной мере учитывают объективные факторы, детерминанты и условия криминального поведения. Однако, они, как правило, подразумевают лишь линейную или множественную причинность¹. При этом теоретики-позитивисты в криминологии игнорируют такие типы социального знания, как культура, медиа-дискурсы, контекстуальность, участвующие в конструировании криминальной реальности, а также субъективно-психологические характеристики людей, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта как членов различных общностей.

В отличие от позитивистской интегративной криминологии эпохи модерна феноменологический, конструктивистский взгляд на преступность в рамках конститутивной криминологии развивают постмодернисты С. Генри и Д. Милованович (1996), рассматривая ее во всех проявлениях как релятивный, конвенциональный социальный конструкт. Преступное поведение и сама система социального контроля существуют постольку, поскольку это продукты «дискурсивных практик» среди преступников, жертв преступлений, контролеров (полицейских, тюремных надзирателей), криминологов.

¹ В 1995 г. Эйнстэдтер и Генри выделили четыре типа причинности в контексте теоретической интеграции (линейная, множественная, интерактивная, диалектическая). Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт. Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно.

Одни агенты дискурса разыгрывают преступные образцы, другие участники взаимодействия стремятся соответствовать стандартам социального контроля над делинквентностью, третьи пытаются исследовать или судить о преступности. В 1997 г. Д. Милованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и деконструкции уголовного закона. Деконструкция интерпретируется как метод (индивидуальные действия актора) критического исследования объекта и самого субъекта, характеризующийся двойной рефлексией [3, с. 31-32]. Постмодернисты явно отклоняют традиционный для криминологов-позитивистов поиск объективных причин преступности. Они считают, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекстов, в которых они продуцируются в ходе дискурса и предлагают ответить на вопрос о том, как агенты социального взаимодействия участвуют в конструировании делинквентности.

Таким образом, постмодернисты С. Генри, Д. Милованович и иже с ними Дж. Кац, Дж. Фэррел, Б. ДиКристина на рубеже XXI в. существенно проблематизируют представления о преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе «ультрасовременного капитализма».

С. Месснер и Р. Розенфельд (1994) идентифицируют концепт «культура» как центральное понятие интегративной криминологической теории. Д. Гарланд, К. Хейворд, Дж. Фэррел и другие сторонники культурального подхода в криминологии рассматривают преступность и контроль над ней как творческие конструкции (*as creative constructs*).

Дж. Мессершмидт в своих работах (1997, 2012) конструирует преступность с помощью историко-культурных дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных изменчивых социальных, временных контекстах и ситуациях. Различные варианты постмодернистской криминологии конструируют и деконструируют социальные и правовые нормы, девиантность, преступность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном контекстах.

Широко используя дискурсивный анализ, постмодернисты исследуют роль культуры, языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения и социального контроля. Опираясь на методологию деконструктивизма, они аргументировано ставят вопрос о пересмотре, реконструкции традиционных позитивистских моделей криминального поведения и контроля над ними, поскольку они не вполне адекватны темпу технологических и социальных изменений в обществе постмодерна.

На преступное поведение в новом, быстро меняющемся мире все большее влияние оказывают факторы возраста, гендера, класса, включенности в соци-

альные сети и виртуальный мир киберпространства и другие социальные характеристики индивидов.

Криминологическая полипарадигмальность, научная состязательность как реакция на многообразную и весьма изменчивую криминальную реальность в эпоху постмодерна, а также критический пафос постмодернистской криминологии привели к ценному опыту постмодернистского теоретического синтеза.

Криминологи Роберт Сэмпсон, Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт, Грег Барак с середины 90-х гг. прошлого и в начале нового века пришли к созданию постмодернистской интегративной криминологии, выдвинув ряд интегративных теорий преступности [2, с. 203-206].

Заметим, что постмодернистская теоретическая интеграция отличается от модернистских интегративных теорий прежде всего тем, что она полнее учитывает более сложную связь причины и следствия. Это и множественная интерактивная и диалектическая причинность, включающая как объективные, так и субъективные факторы и риски преступного поведения. Неслучайно Джефф Фэррел заявлял, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления и гендерных различий» [4, р. 217].

Постмодернистская интегративная криминология обосновывает *диалектическую причинность*, которая является образцом множественной интерактивной взаимосвязи причины и следствия. Такая модель характеризуется существенно большей сложностью, поскольку охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно и учитывает ситуации, когда причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия и меняются местами [5, с. 85-86].

Контент-анализ новых зарубежных криминологических источников и монографических текстов показывает, что в результате полипарадигмальности, многообразия подходов к построению теоретической интеграции, идейной конкуренции в мировой криминологии XXI в. развиваются не только модернистские, постмодернистские, но и гибридные (смешанные) или пост-постмодернистские интегративные теории преступности. Весьма ценно, что гибридные формы теоретической интеграции эффективно сочетают теоретические подходы и методы, созданные как в рамках позитивизма, так и феноменологии, постмодернизма.

Ярким примером гибридного теоретического синтеза является пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом-постмодернистом Грэггом Баракком

в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009). В этих трудах интеграция криминологических знаний предпринимается не только на межпарадигмальном, но и междисциплинарном уровнях синтеза. Гибридная модель конструируется, исходя из положений интегративного подхода Дж. Тикосинера или *Zetetic*-учения как науки, изучающей творческую деятельность. Она использует положения конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, постмодернистской криминологии и теории структуризации социолога Э. Гидденса. Барак опирается на философскую идею Тикосинера, которая состоит в объединении всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. Из конститутивной и постмодернистской криминологии им заимствуются положения о релятивном, конвенциональном, контекстуальном и сконструированном характере девиантности и преступности, системы социального контроля. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в некотором временном и пространственном измерении. Кроме того, преступность и социальный контроль над ней – результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических, культуральных, социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Предпочтение смешанной модели интеграции криминологических знаний, затрагивающей макросоциальные структуры и микросоциальные процессы, на постмодернистской основе обосновывается тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что моделируемые явления (преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени в стремительном мире постмодерна.

Согласно Э. Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами действия, они хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Социолог-теоретик утверждает, что конечным субстратом социальной жизни являются непрерывно развивающиеся «социальные практики», с помощью которых и обеспечивается постоянное воспроизводство и трансформация общества, то есть поддерживается как его относительное постоянство, так и изменения. Социальная структура существует только постольку, по-

скольку она реализуется в социальных практиках. Она складывается из правил и ресурсов, мобилизованных посредством практик и используемых в них, которые в то же время являются результатом этих практик. Тем самым Гидденс в теории структурирования отслеживает дуализм социальной структуры. Более того, он доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии, между теми, кто выступает за макросоциологический анализ, и теми, кто придерживается микросоциологических исследований, определяются дуализмом социальной структуры и социального действия. Теория структурирования приводит к выводу, что такая двойственность ложна и что исследователи должны использовать и количественные, и качественные методы сбора и анализа данных, дополняющие друг друга (принцип дополнительности Я.И. Гилинского). Этот тезис позволяет преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования социальных явлений, в частности, преступности.

Положения теории структурирования делают гибридную интегративную теорию преступности открытой к взаимодополняющим подходам и методам, позволяет преодолеть двойственность и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом в криминологической теории и исследовательских методах. В «Энциклопедии преступности и наказания» Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках постпостмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского деконструктивизма [6].

Таким образом, взаимодополнение разнородных знаний и методов при изучении преступности – ключевое положение интегративной постпостмодернистской криминологии.

Дальнейшее развитие гибридного синтеза теорий преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепилось под названием интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г. Барака и С. Генри. Эта концепция моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный криминологами, – попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных знаний и характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Барак продолжает развивать гибридный подход к пониманию природы преступности, но уже

в контексте глобализации [7]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, развивает методологию гибридного изучения преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Как видим, в открытый к изменениям и дополнениям теоретический фрейм, построенный на основе гибридного подхода, легко включаются непротиворечивые знания из социальных наук, имеющие отношение к феноменам преступности и социального контроля над ней. На его основе могут объединяться междисциплинарные, полипарадигмальные положения из социологии, психологии, криминологии, правоведения, культурологии, лингвистики и других социальных наук.

Опора на постмодернистскую криминологию и теорию структурирования в гибридной модели существенно расширяет методологическую рамку исследования преступности и социального контроля за счет сочетания как «старых» позитивистских, так и «новых» методов исследования (статистические, количественные и качественные социологические методы, дискурсивный анализ, методология деконструктивизма и др.). Наряду с большими объяснительными возможностями гибридный подход создает теоретическую основу для использования в эмпирических исследованиях расширенной, то есть неограниченной только позитивистскими методами, методологической триангуляции, в основе которой лежит совместное использование статистических, количественных и качественных социологических методов, постмодернистских подходов при изучении преступности и системы социального контроля [8, с. 189-210; 9, с. 103-113].

Использование расширенной методологической триангуляции в криминологических исследованиях особенно важно в силу того, что подавляющее большинство отечественных социологов и юристов традиционно используют лишь позитивистские методы, а робкие попытки методологической триангуляции распространяются в лучшем случае лишь на количественные и качественные социологические методы. Расширенная триангуляция различных методов исследования при эмпирическом изучении преступности позволяет не только снизить риски фрагментарности и ограниченности обобщений и выводов, но и более адекватно моделировать диалектическую причинность как множественные интерактивные причинно-следственные взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно на микро-, и макроуровне социальной системы.

Применение расширенной методологической триангуляции в рамках гибридного подхода дает органично-целостное представление о природе и причинах различных проявлений преступности, выступающих

одновременно и социальными конструктами, и реальными поведенческими практиками.

Выделим лишь основные векторы расширенной методологической триангуляции, построенной на основе фрейма гибридной интеграции криминологических знаний.

В эмпирическом изучении преступности чаще всего используется статистический метод. По оценке Ф. Шмаллегера, в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах, и примерно одна четверть краж личного имущества [10, р. 60]. Статистика преступности не учитывает ее латентную составляющую, что требует непрямого использования и других позитивистских и непозитивистских методов исследования.

В изучении преступности эффективно используются количественные социологические методы (метод опроса, прямое наблюдение, формализованный контент-анализ). Анкетные опросы и формализованные интервью, обращенные к жертвам преступлений, дополняют картину преступности за счет учета латентных преступлений. Количественная методология позволяет описать свойства различных форм и свойств преступности, выявить причинно-следственные связи между ними. Она опирается на квантификацию и формализованные процедуры измерения, следует логике дедуктивного анализа (от абстракций – к фактам путем операционализации понятий). Количественные данные опросов позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению: а) места, где было совершено преступления (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удается собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества).

Эффективным приемом является и вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод изучения жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных криминологов. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных данных о преступном поведении и жертвах преступности под иным углом зрения, в новом социокультурном или политическом контекстах, несмотря на то, что исходная информация была предназначена для других исследовательских целей.

Для познания субъективных сторон криминальных практик и карьер (личного опыта, переживаний, страданий, чувств), которые образуют специфический «жизненный мир» индивида, используются ка-

чественные социологические методы, основанные на принципах понимающей и феноменологической непозитивистской социологии. Они опираются на индуктивную логику анализа (от фактов и рассказов о жизни – к концепциям и обобщениям). Прошлый субъективный опыт преступного поведения может быть лучше понят на основе таких качественных методов, как: нарративный анализ, кейс-стади, кейс-стори, лайф-стори посредством феноменологического изучения криминальных карьер и биографий девиантов, особенностей конструирования деликтов правонарушителями и представителями правоохранительной системы.

Сравнительный и исторический методы позволяют сравнивать генезис правовых норм и конструкций составов преступлений в различных обществах в разные периоды времени. Компаративистика позволяет анализировать тренды и сравнивать взаимосвязи преступности с такими факторами ее детерминации, как уровень развития экономики, степень урбанизации, а также влияние процессов глобализации и массовой культуры. Исторический метод дает возможность оценить то, как трансформировалась преступность, и какой была реакция на нее общества и государства в различные периоды времени в контексте социальных и политико-экономических изменений.

Методология деконструктивизма позволяет переосмыслить «застывшие», то есть неработающие нормы уголовного права, выдвинуть новые замещающие правовые конструкции, более релевантные обществу постмодерна. В юридическом контексте, по Ж. Деррида, «деконструировать – значит освободить, открыть закон, сделать его более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению, а без совершенствования языкового механизма это невозможно. А поэтому деконструкция становится полноправным участником и условием динамики законов, одним из механизмов их совершенствования» [см.: 3, с. 33].

Разумеется, методологическая триангуляция не является панацеей для исследователя, но в расширенном варианте она приводит к соединению преимуществ различных методов, минимизирует их издержки и как результат – способствует получению более надежных эмпирических данных о преступности и системе социального контроля над ее проявлениями.

Эпоха постмодерна – это эпоха цифровизации всех сфер деятельности человека. Глава компании *Alphabet* Эрик Шмидт показал, что от начала цивилизации и до 2003 г. было создано около 5 экзбайт (5 000 000 000 Гб) информации. Сегодня же человечество производит такой объем данных всего за 2 дня [11, с. 20]. В 2008 г. редактор журнала *Nature* Клиффорд Линч вводит в научный оборот термин «*big data*» – «большие данные», характеризуя взрывной рост мировых объемов информации.

Технологические сдвиги, цифровизация быстро меняют мир в целом и криминальный мир в частно-

сти. В 2015 г. в книге «Будущее преступности» попытку представить картину преступности будущего, как результат развития технологий и информационного бума, предпринял бывший полицейский аналитик Марк Гудман. Гудман, как практик полицейской работы в сфере новых технологий, обратил внимание на колоссальные изменения криминальной активности, вызванные новыми технологическими решениями в области информатики, робототехники, синтетической биологии, нанотехнологий, искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов. Четвертая технологическая революция, на основе которой будет построено будущее, по мнению полицейского футуролога, создает предпосылки для роста новой преступности, что сделает человека более уязвимым перед криминалом, чем когда-либо [12].

Неслучайно в последнее время повышенный интерес зарубежные исследователи, по публикациям *The British Journal of Criminology*, проявляют к прогностическому потенциалу цифровой или вычислительной криминологии, сочетающей полипарадигмальность постмодернистской интегративной науки о преступности и вычислительные методы, алгоритмы информатики и ИТ инженерии.

К использованию в зарубежных исследованиях преступности положений гибридных интегративных теорий, расширенной методологической триангуляции с применением вычислительных методов для обработки «big data» имеет смысл присмотреться, поскольку технологические и социальные переменные трансформируют не только картину преступности, но и взаимосвязи причины и следствия.

Кризис позитивистского детерминизма в описании преступности в эпоху постмодерна предопределил и «кризис наказания» или кризис полицейского социального контроля. Действительно, дистрибутивное уголовное и административное право, практика создания и изменения соответствующих кодексов, опыт правоприменения весьма инертны и не успевают за темпами технологических и социальных перемен в мире постмодерна. Затраты на обеспечение формального социального контроля над преступностью растут, а безопасности больше не становится. Эти проблемы повсеместны, поскольку имеют глобальный характер.

В мировой науке о преступности идут интенсивные поиски ответов на проблемы и вызовы нового времени. Контент-анализ зарубежных источников, фиксирующих влияние «big data» и информационных технологий на развитие криминологии и полицейской практики во втором десятилетии XXI в., позволяет сделать ряд обобщений:

Во-первых, новым социальным фактом является *сетевизация общества постмодерна*. Развитие социальных сетей достигло такого уровня, что с помощью этого высокотехнологического ресурса можно охватить практически все социальные слои совре-

менного общества, его профессиональные, территориальные и поло-возрастные группы, криминальное сообщество. Влияние этих массовых социальных медиа колоссально. Расширяющееся по экспоненциальному закону социальное онлайн-пространство представляет собой, по оценке *Mossbergper*, новую «социально-техническую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [13]. Отсюда следует, что криминологические исследования в обществе постмодерна не должны игнорировать его *сетевизацию*, поскольку сетевое измерение общественной жизни кардинально изменило мир, в том числе криминальный. Сетевая среда киберпространства привела к изменению социальных коммуникаций, стала одной из самых крупных накопителей «big data».

Во-вторых, *развивается цифровая экономика*, Интернет вещей, растет число систем искусственного интеллекта, онлайн-платформ, включая умные девайсы, умные автомобили, системы слежения и видеофиксации и др. (*Chan & Bennett, 2016; McCormick, Ferrell, Karr, & Ryan, 2014*). Переход «на цифру» происходит не только в телевидении. Этот тренд набирает силу во многих областях банковской, страховой деятельности, медицины. В постиндустриальном мире происходит развитие и внедрение технологии распределенного реестра или блокчейна для хранения и обработки данных.

С помощью онлайн-платформ на основе *Uber* или *Uber for X* развивается *sharing economy* (модель, опирающаяся на общее использование товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения). «Юберификация» оказалась весьма эффективной в приложениях *Uber*-такси, в логистике при доставке больших и мелких грузов и посылок. «Яндекс-такси» в России намерен выстроить на идее юберизации «персональный общественный транспорт» как альтернативу личному автомобилю, автобусам или метро. Развитие систем искусственного интеллекта активно проникает в транспортные перевозки. Например, *Google* ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, *Toyota* планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 г. Не только мировые автогиганты, но и отечественные Яндекс, КамАЗ и НАМИ уже тестируют автомобили-беспилотники.

Нетрудно представить, что перемены в экономике и сфере услуг благодаря роботизации и искусственному интеллекту уже в ближайшее время выведут из состава рабочей силы значительные группы трудоспособного населения, лишив их традиционной занятости. Трансформация же рынка труда неизбежно приведет к качественным изменениям уровня и структуры преступности в новом мире.

В-третьих, на разворот в сторону цифровой экономики, внедрение систем искусственного интел-

лекта быстрее всего реагирует криминальная среда. Нечуждые инновациям преступники стремительно перестраиваются, осваивая мир социальных сетей и киберпространство Интернета в целом. Об этом свидетельствует не только статистика роста различных форм «цифрового мошенничества», но и постоянная модификация мошеннических схем, криминальных взломов, фишинга, поскольку незаконный доступ к информации – сегодня самый легкий и безопасный путь к обогащению. Так, криминальный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60 %, а киберпреступлений всего 4 %. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность [12]. Собственно, из-за инерции законотворчества и правоприменительной практики в киберпространстве блокировано действие ключевого положения классической криминологии и уголовного права, а именно принципа *неотвратимости наказания*.

Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием УК РФ 1996 г. (гл. 28). В 1997 г. было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 г. – 10214, то есть их количество выросло в 310 раз [14, с. 376]. Стремительно нарастает ущерб от киберпреступлений. В 2018 г. на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 млрд долл. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 г. оценивался в 659 млрд долл. Понадобилось всего тридцать высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений.

В-четвертых, ряд зарубежных исследователей, по данным англоязычных источников, уже сегодня обрабатывают «*big data*» с помощью вычислительных методов и алгоритмов и извлекают значимую информацию о быстро развивающихся процессах девиантзации и криминализации, происходящих мире в беспрецедентных, нередко глобальных масштабах. Учеными широко используются данные социальных сетей, будь то изображения, сообщения, геолокация или реляционные сети [13]. В целях обработки извлекаются разноплановые сведения о деликтах. Они агрегируются с историческими, социокультурными данными о преступлениях и другими аналитическими материалами, чтобы предсказать, когда и где в будущем может произойти преступление. В работах криминологов (*Farinosi*,

2011 *Mayer-Schönberger & Cukier*, 2013) предпринимаются попытки идентифицировать людей, которые, вероятнее всего, будут вовлечены в преступные инциденты [13].

В-пятых, несмотря на растущий интерес к криминологическим исследованиям на основе использования «*big data*», все еще очень мало научных работ, посвященных потенциальному применению аналитики больших данных для полицейской службы в России и других, технологически достаточно развитых странах. При этом совершенно очевидна диссертабельность, научная и практическая ценность таких проектов и исследований. Вычислительная криминология, увы, остается еще малоизвестной маргинальной научной областью, расположенной на периферии отечественной науки о преступности из-за неразвитости междисциплинарного дискурса на стыке социальных и точных наук, *IT*-дисциплин.

В-шестых, распространение методологии обработки «*big data*» происходит в самых различных областях, включая медицину, коммуникацию, банковскую сферу, транспортные системы. В полицейской деятельности ее интегрированное применение все еще ограничено, несмотря на то, что полиция ежедневно собирает огромное количество цифровых данных. Внедрение технологии использования больших данных в российской и зарубежной полиции более всего ощутимо в работе по контролю за безопасностью дорожного движения, благодаря современным системам видеofиксации транспортных потоков и административных правонарушений. Однако этого совершенно недостаточно. Есть острая необходимость в сборе и обработке миграционных данных, оценке содержания электронных ресурсов с запрещенным контентом электронной почты, социальных сетей. Нужен мониторинг и анализ неструктурированных данных, таких как изображения и видео экстремистского контента социальных сетей, сопряженного с террористической активностью, терроризмом и триггерными преступлениями.

В-седьмых, по данным открытых англоязычных источников, среди способов применения технологии больших данных в полицейской деятельности можно выделить ряд приоритетов:

- прогнозное картирование преступлений для выявления территорий, где преступность наиболее вероятна, что позволяет повысить социальную эффективность полиции, направляя на локальные участки для контроля и профилактики более мобильные и плотные, но всегда ограниченные полицейские наряды и иные ресурсы;

- прогнозирующая аналитика по большим данным может быть использована для выявления рисков, связанных с конкретными людьми. Это включает в себя выявление лиц, которые подвергаются повышенному риску совершения правонарушений,

а также лиц, которым грозит пропасть без вести или стать жертвами преступления;

- расширенная аналитика может позволить полиции использовать весь потенциал видеоданных, собранных с помощью визуального наблюдения, в том числе данных автоматического распознавания автомобильных номерных знаков;

- технология больших данных может применяться к сведениям, собранным в социальных сетях, для более глубокого понимания конкретных проблем преступности, что в конечном итоге послужит основой для эмпирических исследований и разработки стратегий превентивной работы полиции.

Таким образом, молодым российским исследователям пора обратить внимание на новые ключевые тренды в развитии мировой науки о преступности в обществе постмодерна. Пришло время создавать и развивать научные проекты в междисциплинарном поле постмодернистской либо гибридной интегративной криминологии с применением расширенной методологической триангуляции, в том числе с использованием достижений вычислительной криминологии, опирающейся на анализ «big data», математические методы и алгоритмы.

Литература:

1. Гилинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна // Современная девиантология: методология, теория, практика. Коллективная монография; Под ред. Ю.А. Клейберга и Kwami S. Dartey. – London: UK Academy of Education, 2016. – 309 с.
2. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014. – 222 с.
3. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
4. Barak G. Integrating criminologies. – Allyn & Bacon, 1998.
5. Комлев Ю.Ю. Теории преступности. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 107 с.
6. Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002). – URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative_hm
7. Barak G. Criminology: An Integrated Approach. – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.
8. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – 248 с.
9. Комлев Ю.Ю. Пост-постмодернистская (гибридная) интеграция криминологических знаний как теоретический фрейм для расширенной методологической триангуляции в эмпирических исследованиях преступности // Социальный контроль над преступностью: что делать? (Social control over crime: what has to be done?): Материалы XXXII Международной Балтийской криминологической конференции, Санкт-Петербург, 21-23 июня 2019 г. Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Я.И. Гилинского. – СПб.: Изда-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019.
10. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. – New Jersey, 1999.
11. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2017. – 512 с.
12. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. – Doubleday, 2015.
13. Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology. – 2016. – Vol. 56. – Iss. 2. – P. 211–238. – URL: <https://doi.org/10.1093/bjc/azv059>
14. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 574 с.

Integration of Criminological Knowledge, the Extended Methodological Triangulation and «Big Data» in the Sociological Study of Crime

Komlev Yu. Yu.

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article considers the development of postmodern integrative criminology on the basis of content analysis of English-language sources. It is proposed to use the extended methodological triangulation and computational methods for processing «big data» in the sociological study of crime.

Key words: postmodern integrative criminology, hybrid theory of crime, extended methodological triangulation, networkization of postmodern society, computational criminology, «big data».